

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА В РОМАНАХ

А. ФАДЕЕВА «РАЗГРОМ» И А. МАЛЫШКИНА «СЕВАСТОПОЛЬ»

К. РАЦЕВИЧИУТЕ

«Определяющий для литературы XX века и образа человека в ней действительный факт — изменение рамок опыта, доступного человеческой личности и влияющего на его развитие и формирование. Глубокий и острый кризис буржуазной системы отношений сопровождается кризисом прежних понятий о личности, индивидуальности человека. В сфере искусства это явление выразилось в той перестройке самой структуры художественного характера, которая идет в литературе нашего века на всем протяжении ее истории и, конечно, еще далеко не может считаться законченной»¹, — так в самых общих чертах характеризует развитие характера в литературе нашего века С. Бочаров. Если с этой точки зрения проследить развитие советской литературы, то увидим, что наиболее существенная и принципиальная перестройка структуры художественного характера происходила в 20-е годы. Значительность этого процесса была обусловлена целым рядом объективных причин. Во-первых, 20-е годы — это период становления нового художественного метода, метода социалистического реализма, период, когда молодые советские писатели впервые, совершенно по-новому, осмысливают человека, его место в обществе и его роль в истории.

«Новое искусство никогда не начинается с новых форм, новое искусство всегда рождается с новым человеком»², — писал Иоганес Р. Бехер. В 20-е же годы наиболее существенно менялся сам объект литературы — человек. Революция лишает его того определенного и устойчивого места, которое он занимал в буржуазном обществе. Резкое разграничение мира на два враждующих лагеря заставляет его так или иначе определить свою позицию в этой борьбе, принимать активное участие в общественной жизни. Человек становится действующим лицом истории, и опыт, приобретенный участием в исторических событиях, постепенно проникает в его сознание, меняет привычные взгляды и инстинкты, привитые прежним образом жизни.

Нашим литературоведением довольно глубоко исследован процесс становления принципов изображения человека в литературе 20-х годов. Но в основном исследуется только общая тенденция постепенного обогащения и углубления принципов, постепенный переход от первоначального героя — массы к изображению отдельного представителя революции, вначале нарисованного лишь самыми общими чертами,

¹ С. Бочаров, *Характеры и обстоятельства*. — Теория литературы, изд. АН, М., 1962, стр. 428.

² Иоганес Р. Бехер, *В защиту поэзии*, Изд. Ин-та литер., 1955, стр. 86—87.

вроде «кожаной куртки», и поэтому несколько схематического, и дальнейшее постепенное углубление и проникновение во внутренний мир этого характера, которое вылилось в такие полнокровные образы, как Чапаев, Левинсон, Глеб Чумалов и др. Но в литературоведении почти не исследуется конкретно, как внутри этого единого процесса углубления во внутренний мир, в психологию нового человека, каждый писатель подходил к проблеме человеческого характера и решал ее по-своему. Такой подход не позволял показать все различие, своеобразие и богатый расцвет творческих манер советских писателей в 20-е годы.

Чтобы представить полную картину поисков творческой мысли молодых советских писателей, показать все богатство и разнообразие творческих индивидуальностей, необходимо произвести тщательный анализ целого ряда художественных произведений в сравнительном плане.

* * *

В данной работе ставится цель воспроизвести лишь часть этой общей картины. С помощью анализа и сравнения двух образов: Мечика (роман Фадеева «Разгром») и Шелехова («Севастополь» Малышкина) — показать то общее в поисках решения проблемы художественного характера, что объединяло Фадеева и Малышкина и было характерно для всей литературы второй половины 20-х годов, и те различия, которые вытекали из своеобразия авторских позиций и замыслов.

Нам кажется вполне правомерным такое сопоставление Мечика и Шелехова, во-первых, потому, что это один и тот же социальный тип. Оба они выходцы из рядов демократической интеллигенции, которая состояла на службе у господствующих классов. «Трагедия многих представителей этого слоя,— писал Фадеев,— состояла в том, что вылезая в «образованные» люди путем многих лишений и унижений, ходя в штопанных носках, учась на ломанный грош, они — раздробленные поодиночке — легко развращались капитализмом (и его культурными лакеями). подкупались им, противопоставлялись им «серому» и «необразованному» народу, из которого они сами вышли, усваивали худшие эгоистические, иногда карьеристские навыки и иллюзии»³. Путь в революцию для представителей этой части интеллигенции был особенно трудным и тернистым. В отношении к революции можно найти много общего между Шелеховым и Мечиком. Демократическая интеллигенция, в среде которой выросли Мечик и Шелехов, была враждебно настроена по отношению к самодержавной власти, и многие ее представители увлекались революционной работой, правда, часто это увлечение было несерьезным. Революционная действительность раскрыла перед личностью неограниченные возможности, и деятельные натуры, осознав требования времени, становились вождями, завоевывали славу. Мечик и Шелехов почувствовали и восприняли только эту сторону революции,— возможность осуществить свои мечты о славе, «почувствовать дыхание вершин политической и общественной жизни, достигаемых лишь для немногих»⁴. Они не довольствуются участью рядового бойца революции и претендуют на место вождя, но оба они не в состоянии занять это место, ибо действительность, раскрывая перед личностью большие возможности, одновременно предъявляла ей высокие требования, и прежде всего требовала высокой политической со-

³ А. Фадеев, Собрание соч., т. IV, М., 1960, стр. 57.

⁴ А. Малышкин, Собрание соч., т. II, М., 1947, стр. 148.

знательности. Как Мечик, так и Шелехов политически малограмотны. Они очень слабо разбираются в конечных целях революции, не понимают политической ситуации. Желая вести за собой, они сами не знают, куда вести, к какой цели.

Потому они так болезненно воспринимают отношение матросов и партизан к своей особе, поэтому они так неустойчивы в своих политических симпатиях, готовы в любой момент переброситься к другой партии, где слава легче достается.

Правда, итог этих поисков и терзаний у Шелехова иной, чем у Мечика. Если Малышкин в конце романа окончательно приводит своего героя в лагерь революции, то Мечик становится ее предателем и уходит из отряда. Но Фадеев показывает, что такой конец не является единственно возможным для Мечика. В других условиях, под воздействием таких людей, как Левинсон и Бакланов, он, может быть, мог бы измениться, но в обстановке напряженной борьбы, в которую попадает Мечик в отряде, не было условий для постепенного перевоспитания, «потому что каждая минута сейчас требовала от людей уже осмысленного и решительного действия»⁵.

* *
*

В этой перестройке принципов изображения человека, которая происходила в 20-е годы, основным был отказ от изображения человека как частного индивида, оторванной от окружающего мира личности. Хотя составные части человеческого характера, социальные, профессиональные, местные, моральные черты те же, что и в предшествующей литературе, однако изменилось их значение. «В общей планировке образа они иначе расположены, иначе помещены относительно центра тяжести характера»⁶.

В эпоху гражданской войны, когда общественные связи между людьми обозначались необычайно резко и социально-классовая принадлежность человека часто определяла его позицию в отношении основного исторического конфликта, на первый план выдвигаются и приобретают большое значение социально-классовые черты человеческого характера. Писатели осуществляли точный классовый анализ, и при этом основной задачей было не раскрывать объективные социально-классовые черты, а дать им свою оценку, выяснить, насколько социальная позиция героя соответствует движению истории.

Романам Малышкина и Фадеева, как и всей литературе 20-х годов, свойственно внимание к классовой психологии, к классовому человеку. В «Разгроме» для Фадеева эта характерная особенность литературы 20-х годов стала определяющей в его подходе к изображению человека. Об этом свидетельствует сам Фадеев: «В романе «Разгром» я стремился дать более или менее обобщенные образы людей, создать такие фигуры, чтобы в каждой из них воспроизвести не только того или иного человека эпохи гражданской войны, но и дать сгущенный социально-психологический образ»⁷.

Не менее точную социальную характеристику героя дает Малышкин. Поэтому Фадеев в известной статье о «Севастополе» А. Малыш-

⁵ А. Фадеев, Собрание соч., т. I, М., 1959, стр. 104.

⁶ С. Бочаров, Характеры и обстоятельства.— Теория литературы. Изд. АН, М., 1962, стр. 429.

⁷ А. Фадеев, Собрание соч., т. IV, М., 1960, стр. 104.

кина с такой уверенностью мог установить социальную принадлежность Шелехова: «Шелехов является представителем того промежуточного, очень низового и очень угнетенного в прошлом слоя — демократической интеллигенции, мелких служащих, полуинтеллигенции,— который исчисляется в нашей стране миллионами и для которого, употребляя слова Ленина, каждый шаг к культурной жизни в прошлом сопряжен был с величайшим унижением и издевательствами»⁸. Однако для Малышкина это внимание к классовой сущности человека не было главным и поэтому характер этого внимания иной, чем у Фадеева.

Своеобразный характер этого внимания проявился уже в обращении к прошлому героев. Фадеев непосредственно вводит своего героя в действие, не излагая истории жизненного пути. Но все-таки, кое-где в воспоминаниях героя, в мечтах, проскальзывает то одна, то другая черта прошлого. Эти беглые воспоминания играют определенную роль в системе художественных средств создания характера и подчинены той же главной цели — выяснению социально-классового облика героя. Художественные образы прошлого Мечика, «скучная и безрадостная жизнь в городе», «утреннее кофе с печеньем», «перетянутые ремешком книги», гимназия и даже первое увлечение — «девушка в светлых кудряшках» очень мало говорят нам о личности самого Мечика, ибо Фадееву не так важно в этих сведениях о прошлом героя передать черты его характера, выяснить особенности морального облика, как определить то место, которое занимал в обществе его герой до прихода в партизанский отряд, выяснить социально-классовую принадлежность. Поэтому все эти детали, мало объясняя нам самого Мечика, довольно точно передают атмосферу жизни мелкобуржуазной интеллигенции, представителем которой является Мечик.

Малышкин гораздо более подробно излагает прошлое своего героя, более четко устанавливает его социальное лицо. Сравнить хотя бы детальный рассказ о «бумажной чахотной маме для пособий», или описание нищенских студенческих вечеров с такими скучными образами, как «утреннее кофе», «книги, перетянутые ремешком». Но если для Фадеева важно установить социальное лицо своего героя, то для Малышкина, кроме этого, гораздо важнее проследить, как это прошлое отразилось на формировании сознания его героя. Поэтому Фадееву достаточно сообщить о «томительно сладких мечтах о девушке в светлых кудряшках», так как назначение и этого образа передать социальную среду, окружающую Мечика до прихода в партизанский отряд. Малышкину история отношений Шелехова с Людой нужна не для того, чтобы изобразить окружающую Шелехова среду, а чтобы показать, какие чувства и переживания она вызывает в душе Шелехова. Вспомним описание прогулки Шелехова с Людмилой: «И вот после кино, после дешевых терзающих скрипок, он под руку с Людмилой по этой панели, по слякоти, в хлюпающих калошечках, а шляпа у Людмилы — мокрый, жалкий бархатный тазик. . .

А он смотрит сбоку почти ненавидящими глазами на неотвязную шляпу-тазик, на мещанский начес за ухом, почти брезгливо ощущает ее простое, всегда согласное тело, — и горьки ему обделенные, бедные вечера его жизни, униженная эта молодость и вот стискиваются, где-то про себя стискиваются до ломоты кулаки, и сила какая-то и ненавидящая, и терзаемая отчаянием, и кипящая надеждами — клянется в нем:

— О, я возьму все это, еще возьму! . . .»⁹.

⁸ А. Фадеев, Собрание соч., т. IV, М., 1960, стр. 57.

⁹ А. Малышкин, Собрание соч., т. II, М., 1947, стр. 49—50.

Сама форма рассказа — внутренний монолог героя позволяет Малышкину не только передать обстановку студенческой жизни Шелехова, но и показать болезненное восприятие героем этого окружающего убожества. Показать, как эти «бедные, обделенные вечера», «хлюпающие калошечки», простая, незатейливая Людмила в уродливой «шляпетазик», рождает в Шелехове противоречивые чувства: презрение и брезгливость к окружающей жизни, отчаяние и ненависть к недоступному зеркальному миру, «где бриллиантовым плесом растекаются огни Невского», и желание во что бы то ни стало завладеть этим роскошным миром, самому обладать той, «у которой резкая непостижимая улыбка»¹⁰. Малышкин прослеживает истоки этих чувств, так как они объясняют в дальнейшем ненависть Шелехова к избранному кругу золотопогонного офицерства и постоянное стремление самому приобщиться к этой избранности, хватающей за сердце Атлантиды, и отсюда вспышки ненависти к народу, по вине которого рушится его мечта о блистательной карьере.

* *
*

У Фадеева социальная определенность героя приобретает большое значение, в ней содержится завязка будущего характера. Основное внимание писателя направлено на изображение типических социально-классовых черт, они являются основой изображаемого характера, тем центром, вокруг которого группируются все остальные черты. Фадеев показывает, что характер Мечика полностью обусловлен той средой, в которой он вырос. Воспитанный на традиционных буржуазных понятиях о морали, о том, что является добром и злом, в отряде Мечик попадает в обстановку, где эти привычные воззрения совершенно не соответствуют окружающей жизни. Назревает конфликт между Мечиком и членами отряда. Фадеев, тонко психологически мотивируя все поступки и рассуждения Мечика, показывает, что субъективно он как бы и не виноват в возникшем конфликте. Мечик даже обладает некоторыми положительными индивидуально-личностными свойствами. Он чистоплотен, вежлив, не пьянствует и не ругается, не лишен даже некоторого стремления сблизиться с партизанами, понравиться им. Но в основе той пропасти, которая выросла между Мечиком и остальными партизанами лежат не эти, индивидуальные личностные черты характера, а его социальная сущность, черты, определяемые его социальной психологией.

О том, какой преградой на пути к прогрессивной революционной деятельности является социально-классовая психология представителей реакционных классов, очень верно сказал В. В. Воровский. «Важную роль,— писал он,— играет способность всякой общественной группы видеть и познавать общественные явления лишь сквозь призму своей «типической психологии»; как цветное стекло пропускает лишь лучи определенного цвета, поглощая все прочие, так и эта психология пропускает в сознание людей лишь те элементы внешней жизни, которые так или иначе укладываются в рамки этой психологии»¹¹. Фадеев отчетливо показывает, как эта типическая психология, это «цветное стекло», обуславливает ущербность восприятия мира Мечиком. Ко всем явлениям в жизни отряда он подходит с точки зрения мелкобуржуазных норм поведения, не позволяющих уяснить сущность этих явлений,

¹⁰ Там же, стр. 49.

¹¹ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, М., 1956, стр. 72.

и не способен понять партизан. Он только видел, что они «не походили на созданных его пылким воображением. Эти были грязнее, вшивей, жестче и непосредственней. Они крали друг у друга патроны, ругались раздраженным матом из-за каждого пустяка и дрались в кровь из-за куска сала»¹². Так как он способен увидеть только это, он не может понять самого главного — великой цели борьбы этих людей, ради которой они пошли «добровольно умирать в Улахинской тайге».

Социальное положение определяет и отношение Мечика к революции. Для Мечика революция не была жизненно необходимой, не является единственной возможностью по-человечески устроить свою жизнь. Слабая материальная заинтересованность в практических достижениях революции, сказавшаяся в той пресловутой «философии жертвенности», под знаком которой проходит его жизнь на страницах талантливой повести. Смысл этой мелкобуржуазной философии заключается в том, что вот я, интеллигент Мечик, такой хороший, умный, культурный, проникнутый возвышенными стремлениями, жертвую всем этим для партизан, людей грубых и некультурных, и никто из них не ценит этой жертвы, принесенной мною, Мечиком»¹³. Вместо этой материальной заинтересованности могла выступить высокая политическая сознательность, какую обладают Левинсон и Сташинский, но и политической сознательностью Мечик не обладает. Он даже не разбирается, в чем разница между политическими группировками и открыто признается Левинсону: «Работал я с максималистами, но я думал тогда, что это все равно. . .

— То есть, как все равно?

— Да с кем ни работать. . .»¹⁴.

Показав совершенное отсутствие связей между Мечиком и партизанским отрядом, незаинтересованность Мечика в той борьбе, которую ведет отряд, Фадеев убедительно и психологически достоверно раскрывает, как постепенно Мечик становится чужаком в отряде и в дальнейшем — предателем.

Достижение Фадеева именно в этой социальной обусловленности образа Мечика. Положив в основу изображения характера социально-классовую сущность, социально-психологические черты, Фадеев сумел создать образ, в котором воплотилась судьба целой социальной группы. «Основные этапы движения Мечика — от обывательского интеллигентского мирка к «дерзкому воображению» террориста, далее к «унынию оппортуниста» и, наконец, к позорному бегству от революции в исходное мешанское лоно — довольно верно и тонко воспроизводит крах мелкобуржуазного максимализма в социалистической революции. Но как художественный тип Мечик значителен не этим своим соответствием узкой политической группе. Более широкое и основное реальное содержание образа Мечика состоит в том, что он олицетворяет многочисленную категорию мелкобуржуазных интеллигентов»¹⁵, — пишет Бушмин об образе Мечика.

Если у Фадеева в центре внимания герой — типичный представитель своей социальной среды, своего класса, то Малышкин изображает своего героя в тот момент, когда он находится как бы в промежутке между двумя социальными группами, в состоянии перехода из одной группы в другую. С одной стороны, Шелехов уже почти выбрался из

¹² А. Фадеев, Собрание соч., т. I, М., 1959, стр. 79.

¹³ М. Серебрянский, Литературные очерки, М., 1956, стр. 189.

¹⁴ А. Фадеев, Собрание соч., т. I, М., 1959, стр. 102.

¹⁵ А. Бушмин, Роман А. Фадеева «Разгром», Л., 1954, стр. 51.

среды полуголодной, нищенской демократической интеллигенции. Окончив школу прапорщиков, он почти достиг «изжаданной», роскошной, праздничной жизни. Шелехов как бы перевоплощается:

«Вот сброшено матросское баракло-шинель, форменка, брюки, пудовые обмоклые сапоги, пропитанные днями бедности и строгой муштры.

Вместо казенных ботанцев — модные женственные ботинки на пуговицах. Вместо грязной полосатой фуфайки — синий китель, охватывающий стан тепло, и ласково, и ловко. Одеревенелый, щемящий шею воротник заставил вздернуть повелительно подбородок.

Шелехов одевался и, сладостно медля, застегивал под кителем португепю золоченного с царским вензелем палаша.

Теперь можно было подойти к зеркалу, и в груди упало тягуче, блаженно...

То был недостижимый офицер, виданный им когда-то у Александровского сада или на Морской, где-то в том кипучем, полном нарядных женщин и автомобилей районе. Женщины глядели на него с примаывающей усмешкой, его ждала особенная прекрасная судьба...»¹⁶

Вместе с нищенской одеждой Шелехов старается отбросить решительно все, что связывает его с жалким, обделенным прошлым; не только восторженные студенческие мечты, обыденную Людмилу, но даже свои привычки и манеры. Малышкин показывает, что это перевоплощение не только меняет внешнее поведение его героя, но в какой-то степени коснулось и его внутреннего мира. Не только манеры поведения, но и все барские повадки, вплоть до презрения к простому народу невольно перенимает Шелехов: «Тихое сладостное иступление родилось в Шелехове, где-то в глубине... Будь это прежнее время, хоть месяц назад, с каким сладострастием, где-нибудь в строю, крикнул бы, плюнул бы словами в это лицо:

— Подбери губы, с-с-сукин сын! Что, службы не знаешь! Фельдфебель, дай три наряда под винтовку!»¹⁷

Герой Малышкина не обладает цельным социально-психологическим характером. Малышкин обращает внимание на наличие двух противоположных тенденций в сознании Шелехова: демократическое начало и мелкобуржуазный индивидуализм. Поэтому основной задачей является не создание цельного социально-психологического характера в соответствии с классовой психологией, а исследование содержания социальной психологии этого характера и процесса ее формирования.

Малышкин ставит перед собой цель — показать трудный и мучительный путь героя в революцию. Но трудности, которые приходится преодолеть Шелехову, это не объективные препятствия внешнего мира, а сугубо внутренние, субъективные. Борьба происходит в сознании героя. Шелехов должен преодолеть мелкобуржуазные, индивидуалистические черты своего характера.

Малышкин подробно раскрывает эту борьбу, исследует оба противоположных начала в сознании своего героя (как демократическое, так и мелкобуржуазное). Его интересуют социальные корни этих тенденций. Прослеживая историю отношений Шелехова со средой белого офицерства, Малышкин объясняет, почему его герой оказался подвержен развращающему влиянию господствующих классов. В среду белого офицерства Шелехова, уставшего от убогой и унижительной жизни, влечет возможность пожить сытой, легкой и «красивой» жизнью. Но особенно притягательной силой для Шелехова обладают культурные

¹⁶ А. Малышкин, Собрание соч., т. 2, М., 1947, стр. 61.

¹⁷ А. Малышкин, Собрание соч., т. II, М., 1947, стр. 66.

ценности, которые были сосредоточены в руках господствующих классов и только им доступны. Поэтому, показывает Малышкин, так сильно и неистребима хватающая за сердце Атлантида, что для Шелехова она является воплощением тонких чувств, прекрасных, загадочных женщин, изысканной поэзии и музыки.

Однако мучительно трудный процесс усвоения чужой социальной психологии для Шелехова осложнен тем, что он пытается приобщиться к явно реакционной, отживающей социальной группе, к которой сам порою испытывает враждебность. Ненависть Шелехова-студента к чужому, роскошному миру, наблюдаемому лишь сквозь зеркальные стекла, порой вспыхивает и в Шелехове-офицере. С первого взгляда жгучей ненавистью проникается он к своему попутчику, казачьему есаулу: «точь-в-точь такой зарубил когда-то у трамвайной остановки его товарища-студента за непочтительность»¹⁸. Поэтому одновременно со сближением, по мере того, как перед Шелеховым все отчетливее проступает отдаленное, недоброе родство высокомерного, золотопогонного офицерства с «есаулом», их звериная ненависть к народу, происходит и процесс отталкивания Шелехова от этой среды.

Демократическое начало сказалось основополагающим в характере Шелехова, и оно, показывает Малышкин, обуславливает развитие его характера, предопределяет приход Шелехова в лагерь революции.

Основной пафос Малышкина в разоблачении мелкобуржуазного начала в психологии героя и раскрытии процесса постепенного освобождения его от старой нравственности, от ложных иллюзий и ошибочных взглядов. Этот процесс происходит медленно и очень болезненно для героев. Только в столкновении с революционной действительностью, ценой крушения всех своих иллюзий пришел Шелехов к осознанию обреченности старого мира и по-настоящему оценил народ и революцию. Таким и был путь в революцию типического героя из интеллигентной среды,— он должен был с начала до конца разувериться в поэзии уходящего мира, а затем поверить в созидательные силы народа. Малышкину в образе Шелехова удалось воплотить этот типичный для интеллигенции путь. Значение Малышкина в той предельной достоверности и убедительности, с которой он запечатлевает историю души русской интеллигенции в период революции. Этот детальный и добросовестный анализ делает его роман почти историческим документом революционной эпохи.

* * *

Своеобразие принципов определило и то место, которое среди художественных средств изображения характера занимает соотношение героя с окружающей средой.

Фадеева интересовали не только черты классовой психологии героя, но и условия, в которых они формируются и меняются. Одним из решающих факторов в раскрытии этого процесса является взаимодействие человека и окружающей его среды. Отношения героя со средой Фадеев рассматривает как чрезвычайно сложный диалектический процесс взаимодействия, в котором человек «подвергается одновременному воздействию представителей самых разных классов, что находит отражение в его психике»¹⁹. Посредством тонкого психологического

¹⁸ А. Малышкин, Собрание соч., т. II, М., 1947, стр. 82.

¹⁹ А. Фадеев, Собрание соч., т. IV, М., 1960, стр. 10—11.

анализа Фадеев раскрывает в романе весь механизм взаимодействия человека и окружающей его среды. Хотя Мечика окружают только участники одного партизанского отряда, однако это представители основных социальных группировок, принимавших участие в революции. Среди них командир партизанского отряда — большевик Левинсон, рабочие — Дубов и Гончаренко, интеллигент — Сташинский, крестьяне — Пика и Кубрак, бывший студент Чиж и т. д. Мечик вынужден постоянно общаться со всеми этими людьми, и они в большей или меньшей степени влияют на развитие характера Мечика. Степень этого влияния неодинакова и неравнозначна. Если лучшие люди отряда, Левинсон, Бакланов, Варя укрепляют в нем веру в свои силы, желание изменить образ жизни, могут даже побудить к решительным действиям (убийство японского солдата во время разведки с Баклановым), то общение с Чижом и Пикой пробуждает в нем самые низменные и эгоистические инстинкты. Эти влияния перекрещиваются и сталкиваются в душе героя. Они обусловлены классовой психологией героя, — наиболее сильное влияние оказывают представители той же социальной группы. В данном случае более сильным оказалось влияние Чижа и Пики, так как они наиболее близки Мечику как социальные типы.

Раскрывая взаимодействие героя со средой, Фадеев обращает внимание и на то, как влияет сам Мечик на окружающих людей. Характер этого влияния в какой-то степени становится критерием оценки героя. С одной стороны, Фадеев показывает, каким добрым, чутким и нежным представляется самому себе Мечик, а с другой, раскрывает, какой тяжелый осадок в душе окружающих людей оставляет общение с Мечиком. Варя, отдавшая ему всю неистраченную нежность и теплоту, испытывает с его стороны одни оскорбления и в какой-то мере теряет веру в людей. Даже Левинсона разговор с Мечиком ввергает в уныние и вызывает грустные мысли о том, что на земле еще «рождаются такие ленивые и безвольные люди, такой никчемный пустоцвет»². Тот реальный вред, который причиняет Мечик, показывает нам истинную цену тем возвышенным, добрым и жалостливым мыслям и чувствам, которыми он прикрывает свое ничтожество.

У Малышкина развитие характера героя тоже происходит под влиянием окружающей среды. Однако характер этого влияния качественно иной, и само понятие окружающей среды является гораздо более ограниченным. Если у Фадеева среда представляет все богатство социальных типов действительности, то у Малышкина она состоит в основном из представителей двух социальных групп. Это старый мир — офицеры и Жека и представители нового мира — матросы. К тому же наиболее отчетливо, в живых конкретно-типических характерах, представлен только старый мир. Создать полнокровные образы революционных моряков Малышкину не удалось. Даже Зинченко, наиболее ярко обрисованный, кажется ограниченным и напоминает схему героев в литературе первой половины 20-х годов. Следовательно, отношения Шелехова с окружающей средой; в основном, сводятся к отношениям с белым офицерством. Развитие характера героя у Малышкина идет только по пути отталкивания героя от окружающей среды, к неприятию которой он приходит. Такие отношения героя со средой позволили Малышкину во всех подробностях проследить процесс очищения сознания и нравственности героя от старого содержания, что и являлось основной задачей автора. Но болезненность этого процесса, чувство утраты, которое испытывает Шелехов, определяется тем, что герой не видит созидательного начала в народе. Слабое и схематичное

²⁰ А. Фадеев, Собр. соч., т. I, М., 1959, стр. 105.

изображение нового мира не позволило Малышкину раскрыть то положительное влияние, которое оказало на формирование сознания Шелехова общение с матросами, показать приобретение героем нового, ставление новых черт характера.

Так как роман Малышкина — это подробное исследование сознания главного героя, среда в нем тоже дана только через сознание героя и служит средством раскрытия характера. Поэтому, если Малышкин и показывает, какое влияние оказывает Шелехов на окружающих, то только в той степени, в какой сам Шелехов воспринимает это воздействие (ликование Шелехова, увидевшего во время лекции о Канте, какой ужас и тоска обуяли душу Васьки Чернышева). Поэтому изображение отношений Шелехова с окружающей средой у Малышкина совершенно лишено того оценочного значения, которое оно несет у Фадеева.

*
*
*

Оба писателя создали яркие типические характеры. Различие в художественных принципах, отмеченное нами, в основном вытекает из своеобразия взглядов писателей на изображаемый характер, ибо обоих писателей интересовали разные стороны его, и ставили они перед собой совершенно разные цели. Фадеев стремился показать те социально-классовые силы, которые принимали участие в революции, и Мечик его интересует как типичный представитель мелкобуржуазной интеллигенции, которая на какое-то время примкнула к революции, но потом, испугавшись, отошла в сторону. Для Малышкина главной задачей было показать, не кто участвовал в революции, а почему участвовал именно он, Шелехов, и каким путем он пришел в лагерь революции. Если Фадеева интересовал вопрос, какой реальный вклад в дело революции вносит его герой, то Малышкину важно показать весь тот сложный путь в революцию, который прошел его герой, раскрыть причины тех трудностей, которые пришлось ему преодолеть.

Отсюда вытекает и разница в художественной форме произведений. Поскольку Фадеева интересует вопрос, способен ли его герой к настоящей борьбе или он случайно попал в лагерь революции, то большое значение приобретает поведение героев. Отсюда основной принцип для Фадеева «показ человека прежде всего через деяние, то есть как раз через то, что определяет его место и назначение в обществе и природе»²¹. Поэтому, хотя Фадеев раскрывает и внутренний мир своего героя, основным критерием оценки личности являются его поступки, а не чувства и переживания.

У Малышкина другое. Малышкину важно показать, как его герой по пути к революции постепенно освобождается от старой нравственности, сколь мучителен процесс расставания с иллюзиями, ошибочными взглядами. Поэтому основное внимание художника направлено на раскрытие внутреннего мира героя. Малышкина в основном интересует, как сам герой осознает свои поступки, что он чувствует и переживает, как это отражается на его сознании. Отсюда вытекает и художественная форма произведения, написанного от первого лица — самораскрытие героя. Такая форма и предельно точный психологический анализ позволили Малышкину добиться того, что нам становится понятным любое движение души Шелехова. Но это стремление объяснить в какой-то степени и оправдывает героев. Поэтому у Малышкина отсутст-

²¹ А. Фадеев, Собрание соч., т. V, М., 1961, стр. 367.

вует четкая историческая оценка героя, которую мы постоянно чувствуем в романе Фадеева.

Оба писателя обогатили нашу литературу более глубоким раскрытием социально-классового начала в человеке, одними из первых поставили и разрешили задачу изображения нового героя — участника социалистической революции.

Кафедра русской литературы
Вильнюсского государственного университета
им. В. Капсукаса

Представлено
в июне 1965 года

ЛИТЕРАТУРА

1. С. Бочаров, Характеры и обстоятельства, Теория литературы, Изд. АН, М., 1962.
2. Иоганес Р. Бехер, В защиту поэзии, Изд. Ин. литературы, 1955.
3. А. Фадеев, О «Севастополе» А. Малышкина, Собрание сочинений, т. IV, М., 1960.
4. А. Малышкин, Севастополь, Собран. сочинений, т. II, М., 1947.
5. А. Фадеев, Разгром, Собрание соч., т. I, М., 1959.
6. А. Фадеев, Мой литературный опыт — начинающему автору. Собран. соч., т. IV, М., 1960.
7. В. В. Воровский, Литературно-критические статьи. М., 1956.
8. М. Серебрянский, Литературные очерки, М., 1956.
9. А. Бушмин, Роман А. Фадеева «Разгром», Л., 1954.
10. А. Фадеев, Избранные письма А. С. Бушмину, Собрание соч., т. V, М., 1961.

INTELIGENTO PAVEIKSLAS A. FADEJEVO ROMANE „SUTRIUSKINIMAS“ IR A. MALYŠKINO ROMANE „SEVASTOPOLIS“

K. RACEVICIOTĖ

Re z i u m ė

Straipsnyje nagrinėjami A. Fadejevo ir A. Malyškino meniniai žmogaus vaizdavimo principai. Nagrinėjant Selechovo (A. Malyškino „Sevastopolis“) ir Mečiko (A. Fadejevo „Sutriuškinimas“) paveikslus, analizės būdu stengiamasi parodyti meninius principus, bendrus abiem rašytojams ir būdingus visai to meto rusų tarybinei prozai.

Abu rašytojai didelį dėmesį skyrė atskleisti žmogaus vidiniam pasauliui ir ypač siekė plačiai pavaizduoti socialinius klasinius jo psichologijos bruožus.

Tačiau ir A. Fadejevas, ir A. Malyškinas kiekvienas savitai, originaliai kūrė žmogaus paveikslą. Todėl straipsnyje ne tik keliami šių rašytojų bendrieji kūrybiniai principai, bet norima išryškinti ir jų skirtumus, kurie pasireiškia, kitaip suvokiant asmenybės ir aplinkos santykį, skirtingai vertinant herojų.